

НАКШБАНДИЙСКИЕ НАСТАВНИКИ ТАТАРСКИХ БОГОСЛОВОВ КОНЦА XVIII – XIX ВВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Рамил Камилевич Адыгамов

к.и.н. старший научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань, Российская Федерация;

Annotatsiya: Qadim zamonlardan beri so'fiylik ta'limoti O'rta Osiyo va Volga-Uralbo'yi musulmonlarining diniy hayotiga sezilarli ta'sir ko'rsatgan. Moverannahr ilohiyotchilari va ularning shimoliy birodarlari o'rtasidagi fikr almashuvi Bulg'orlar davridayoq boshlanib, Qozon xonligi davrida va qulagandan keyin hududlar o'rtasidagi munosabatlarda davom etgan. Qolaversa, Volgabo'yi musulmonlari nafaqat talabalik, balki O'rta Osiyo ilohiyotshunoslarini ham o'z tadqiqotlari bilan boyitdilar. Ikki mintaqa musulmonlari o'rtasidagi munosabatlarda so'fiylik alohida o'rin tutgan. U o'zining ma'naviy amaliyotlari, tenglik, birodarlik g'oyalarini targ'ib etishi bilan ilohiyot olimlarining fikriy yutuqlarini mustahkamladi. Ushbu tadqiqot doirasida O'rta Osiyo va Volga bo'yi so'fiylarining ma'naviy aloqasi tahlil qilinib, Volga bo'yida o'z davomini topgan naqshbandiy tariqatining mujaddidiy tarmog'ining vujudga kelish jarayoni. - Ural viloyati ham hisobga olinadi.

Kalit so'zlar: Tasavvuf, naqshbandiya, Volgabo'yi, O'rta Osiyo, Ural, musulmon ilohiyoti.

Аннотация: Суфийское учение издревле оказывало значительное влияние на религиозную жизнь мусульман Средней Азии и Волго-Уральского региона. Интеллектуальный обмен между богословами Мавераннахра и их северными братьями начинается ещё в Булгарский период и находит своё продолжение в связях между регионами в период Казанского ханства и после его падения. Причём мусульмане Поволжья выступали не только в качестве учеников, но также и обогащали богословов Средней Азии своими изысканиями. Особую роль в отношениях между мусульманами двух регионов имел суфизм. Он укреплял интеллектуальные достижения богословов своими духовными практиками и проповедью идей равенства и братства. В рамках данного исследования проводится анализ духовной связи между суфиями Средней Азии и Поволжья, а также рассматривается процесс генезиса муджаддидийской ветви накшбандийского тариката, нашедшей своё продолжение в Волго-Уральском регионе.

Ключевые слова: суфизм, накшбандия, Поволжье, Средняя Азия, Урал, мусульманское богословие.

Abstract: Sufi teaching has had a significant influence on the religious life of Muslims in Central Asia and the Volga-Ural region since ancient times. The intellectual exchange between the theologians of Transoxiana and their northern brothers begins in the Bulgarian period and finds its continuation in the relations between the regions during the period of the Kazan Khanate and after its fall. Moreover, the Muslims of the Volga region acted not only as students, but also enriched the theologians of Central Asia with their research. Sufism played a special role in the relations between the Muslims of the two regions. Its strengthened the intellectual achievements of theologians with his spiritual practices and preaching the ideas of equality and brotherhood. This study analyzes the spiritual connection between the Sufis of Central Asia and the Volga region, and also examines the genesis of the Mujaddidi branch of the Naqshbandi Tariqa, which found its continuation in the Volga-Ural region.

Key words: Sufism, Naqshbandiya, Volga region, Central Asia, Ural, Muslim theology.

Введение

Тема взаимоотношений между учителем и учеником, на первый взгляд в трудах мусульманских богословов тщательно раскрыта. Однако, несмотря на безусловную полезность этих трактатов, они носят общий характер и не отражают специфики того или иного региона, населённого мусульманами. Также довольно много отечественных и зарубежных исследований, посвящённых общим понятиям суфизма, и дающих представление о его учении и практике.

В последние годы также появляются исследования, посвящённые бытованию суфизма

в Средней Азии. Среди них следует отметить статьи С.Н. Абашина [2: 117 – 141], Т.Г. Дорофеевой [8: 39 – 50], Л.Э. Исмаилова [11: С. 24 – 28] и А.А. Аширова, Б.А. Пасилова [5: 37 – 43]. Первый автор в своей публикации анализирует суфизм с этнографической точки зрения, связывая его ментальными особенностями жителей региона. Во второй публикации раскрываются особенности суфизма. Показаны основные периоды его развития и роль Мухаммеда и его сподвижников в становлении этого направления. Также дается характеристика особенностям крупнейшего тариката Средней Азии - Накшбандия. Третья публикация уделяет больше внимания местам захоронений известных суфиев Средней Азии, нежели самому учению. В ней рассматриваются перспективы развития духовного туризма в регионе. Четвертая публикация изучает практическую сторону суфизма в ЦА, а именно «зикр джахри». Ценно то, что работа основана на материалах полевых исследований, проведенных в 2003-2005 гг.

Следующая группа исследований имеет отношение к известным среднеазиатским суфийским персоналиям. Так, А.И. Пылев [13: 122 – 126.] анализирует роль Юсуфа ал-Хамадани в развитии суфизма и его литературы в Средней Азии. Как известно, святой имеет прямое отношение к формированию учения накшбандия и становлению тариката в регионе. В публикации З.А. Салиховой [16: 87 – 88] прослеживается процесс становления теории суфийского воспитания в учении Бахаутдина Накшбанди. Особое внимание уделено ярким представителям этого философско-религиозного течения, внесшего большой вклад в развитие и распространение суфизма по всей Средней Азии. Статья имеет междисциплинарный характер, написана на стыке предметов педагогики, истории, философии и теологии. И, наконец, в исследовании У. Абдурасулова [3: 101 – 118] изучается дискуссия между известными советскими исследователями-медиевистами А.Н. Болдыревым и О.Д. Чеховичем об «исторической роли» Ходжа Ахрара — влиятельного политического деятеля и шайха Накшбандийа XI в. — нашедшей отражение как в публикациях, так и в личной переписке. Также большой интерес представляет и исследование молодого узбекистанского ученого К. Рахимова [14], посвященное основоположникам накшбандийского тариката. Автор подробно излагает биографии и вклад семи наставников в формирование тариката.

Публикация А.В. Сызранова [18: 27 – 38] также близка к теме данного исследования, автор предпринял попытку проанализировать историю мусульманского мистицизма в Нижнем Поволжье – одном из российских регионах, где мусульмане являются самой многочисленной (после христианства) конфессией. Суфизм сыграл значительную роль в распространении ислама в Нижнем Поволжье и был одной из форм бытования мусульманской религии в этом регионе, веками переплетаясь с народными верованиями.

Наиболее близкими к проблематике данного исследования являются научные труды Г.Г. Идиятуллиной [9], Р.К. Адыгамова [4], Д.А. Шагавиева [20: 35 – 46] и Н.Р. Сабирова [15]. Хотя диссертация Г.Г.Идиятуллиной посвящена изучению наследия Г. Курсави и его труда «ал-Иршад ли ал-ибад», автор в рамках исследования также анализирует интеллектуально-духовные связи между двумя регионами. В диссертации Р.К. Адыгамова изучается жизненный путь и вклад Г. Утыз-Имяни в общественную мысль татар. Изучая среднеазиатский период жизни богослова, автор диссертации также выявляет и его духовных наставников. Статья Д.А. Шагавиева непосредственно посвящена выявлению цепочки духовной преемственности известного татарского богослова Ш. Марджани, получившего иджазу суфийского шейха у своих среднеазиатских наставников. И, наконец, в диссертации Н.Р. Сабирова исследуется влияние суфийской традиции на общественную мысль татар. Автор диссертации в рамках исследования также уделяет внимание среднеазиатским суфийским наставникам, богословам и поэтам.

На наш взгляд, в свете укрепления взаимоотношений между Республикой Татарстан и Республикой Узбекистан, исследования, посвященные взаимному интеллектуальному и духовному обмену между мыслителями обоих регионов, представляются весьма актуальными. Мы считаем, целесообразным проведение совместных исследований в данной области.

Духовные связи Средней Азии и Поволжья

Как известно, ещё в болгарский период связи Поволжья со Средней Азией, имели большое значение для мусульман обоих регионов. Хотя Казанское ханство и было завоевано, однако, эти связи, обусловленные этнической и конфессиональной близостью мусульман двух регионов, продолжали играть значительную роль в сохранении мусульманской учёности среди татар. С созданием в 1744 г. под Оренбургом Сеитовского посада (татарской слободы) эти связи становятся ещё крепче.

Если, с одной стороны, это послужило активизации торговых отношений между Российской Империей и государствами Средней Азии, то, с другой стороны, дало возможность татарам укреплять и возрождать духовную жизнь. Как известно, татары играли роль посредников между христианской Российской империей и мусульманскими государствами среднеазиатского региона. В тоже время укрепление торговых взаимоотношений давало татарам возможность постигать духовное наследие как среднеазиатских богословов, так и наследие остальных ханафитских регионов мусульманского мира. После издания указа Екатерины II о веротерпимости в 1773 г. обучение татар в таких среднеазиатских центрах, как Бухара, Самарканд, Кабул и др. приобретает легитимный характер, и идеи местных богословов превращаются в один из факторов, влиявших на формирование духовных взглядов богословов Поволжья и Урала.

Большинство шакирдов татар данного периода были учениками известных богословов Фаизхана ал-Кабули (ум. 1802 г.) и Ниязула ат-Туркмани (ум. 1820/21 г.). Согласно источникам известно, что именно у них обучались Г. Утыз-Имяни и Г. Курсави, ставшие родоначальниками возрождения татарского богословия в конце XVIII – начале XIX вв. Об известном татарском богослове Ш. Марджани также известно, что он был учеником трёх суфийских шейхов накшбандийского ордена: Убайдуллы ибн Нийязкули (ум. 1852 г.), Абд ал-Кадира ал-Фаруки ал-Хинди (Сахибзадэ, ум. 1855 г.), Мазхара (Музхира) ибн Ахмада ал-Хинди (ум. в 1883 г.) [12: 285, 6: 168, 22: 72, 18: 181, 1: 168].

Важным фактом, при выявлении тенденций, оказавших влияние на возрождение и становление татарской богословской мысли, является то, что все упомянутые личности в дополнение к их учености были шейхами суфийского тариката накшбандия-муджаддия. Изучая труды представителей самого раннего периода возрождения татарской общественной мысли, Г. Утыз-Имяни и Г. Курсави можно сделать вывод, что одной из главных тенденций того периода, оказавшей влияние на их творчество, были идеи среднеазиатских богословов-суфиев.

Истоки накшбандии в Поволжье

Известно, что суфийский тарикат накшбандия, мюридами которого становились татарские шакирды этого периода, зародился в конце XIV в. Основы данного ордена заложил известный святой из Средней Азии Бахаъ ад-Дина Накшбанд (1318-1389). Эму удалось соединить воедино идеи и практику наставников более раннего периода Ахмада ал-Йасави и Абд ал-Халика ал-Гидждувани. Он же заложил и основы организационной структуры тариката. В итоге накшбандия стала не только одним из двенадцати суфийских тарикатов, но и наиболее распространённым из них. В основу тариката легла идея, о необходимости в первую очередь жить в соответствии с предписаниями основных источников ислама, суть которых отражена в суннитском вероучении и правовой системе четырех суннитских мазхабов. Цепочка духовной преемственности тариката имеет два основных ответвления, одно из которых восходит к сподвижнику и другу Пророка Мухаммада Абу Бакру, а вторая к двоюродному брату Пророка и сподвижнику Али ибн Аби Талибу [10:187]. Главная идея накшбандия сводится к тезису «Даст ба кор, дил ба йор» («Рука в

труде, а сердце с Любимым (Аллахом)»). Суть данного девиза сводится к тому, что аскеза мюрида должна проявляться не в формальном отрешении от мира, а быть это душевным состоянием. Согласно накшбандии, мюрид должен быть суфием-мирянником с социально активной позицией, которому следует жить не на подаяния, а добывать пропитание себе и своей семье своим трудом или коммерцией, принося ползу «хидма» людям.

В ходе распространения и развития тариката накшбандия, в нём сформировалось несколько внутренних духовных путей, наиболее известными из которых были накшбандия-муджаддия и накшбандий-халидия. Основы второго были заложены индийским богословом, суфием, наставником Ахмадом Фаруки Сирхинди (1564-1624), который более известен по прозвищу «имам ар-Раббани» («Имам, посвятивший себя господу»). Деятельность Ахмада Сирхинди не была ограничена лишь духовным самосовершенствованием и наставничеством, а характеризуется гражданским протестом против правящей верхушки. Аннемари Шиммел указывает, что он выступил против императоров Акбара и Джахангира [23:284], которые пытались внедрять шиитскую традицию в своем государстве. Другие исследователи уточняют, что «Он выступил против религиозного синкретизма императора Акбара (1556-1605) и прошиитских настроений императора Джахангира (1605-1627)» [16:30]. Падишах Акбар, симпатизируя представителям индуизма, защищал их интересы и соответствующим образом выстраивал внутреннюю политику государства. В итоге это привело к «процессу размывания мусульманских ценностей, их смешение с ценностями иной религии» [18:31]. Внутренняя политика императора Акбара привела к тому, что в империи Монголов (Империя Бабуридов) начались гонения против суннитских богословов. Вследствие чего в последние годы правления шаха Акбара Ахмад Сирхинди не только выступил с осуждением, на это взгляд ошибочной конфессиональной политики государства, но также организовал социальный протест. Главной идеей, которую высказывал имам Раббани была необходимость вернуться к наследию пророка Мухаммада. Л. Гордон-Полонская по этому поводу указывала: «его учение было направлено, в первую очередь, против различных мусульманских и индуистских ересей» [7:37].

Следующий император шах Джахангир, женившийся на шиитке, начал проводить государственную политику, выгодную шиитам. С этой целью по его приказу в Индию из Ирана были доставлены поэты-шииты, что стало причиной распространения шиитского учения. И вновь Имам Раббани открыто выступил против шаха. Идеи и социальная активность заставили его написать свой первый богословский труд, который был посвящён критике шиитских воззрений. В итоге он был заключён в тюрьму [23:284]. Несмотря на это, ему удалось организовать широкое народное движение. Его ученики по всей империи активно выступали с проповедями, защищая суннитский ислам и призывая строго соблюдать предписания Корана и сунны [18:32].

Ахмад ас-Сирхинди написал множество богословских трудов, наиболее известными из которых являются это письма «ал-Мактубат». Из пятисот тридцати четырех писем семьдесят адресованы чиновникам могольского государства [23:284]. Позднее ученики шейха собрали эти письма в одну книгу. Этот труд был переведён с персидского на арабский язык известным татарским богословом Мурадом Рамзи, в результате он стал доступен большому числу мусульман.

Благодаря своему учению и социальной активности Ахмад ас-Сирхинди был назван «муджаддид алфи сани» -- «Обновитель второго тысячелетия». Пользуясь военно-политической поддержкой Махабат-хана, одного из могольских вельмож, Ахмаду ас-Сирхинди вынудил шаха Джахангира пойти на компромисс

и признать его требования. Благодаря богословской и общественной деятельности имама ар-Раббани была сохранена суннитская идентичность мусульман Индии [18:33]. Кроме этого, это учение оказало значительное влияние на развитие духовной традиции во многих регионах мусульманского мира и Поволжья в частности.

Выводы

Суфизм оказал значительное влияние на развитие духовной традиции Волго-Уральского региона и Средней Азии. В настоящее время в обоих регионах наблюдается процесс возрождения этого духовного учения. И вероятнее всего популярность суфизма в этих регионах будет возрастать. Учитывая тот факт, что иногда он может играть существенную роль в социальной и даже внутривнутриполитической жизни общества, это изучение представляется весьма актуальным.

Данное исследование показало, что на данный момент проблематика исторических взаимосвязей между суфиями двух регионов изучена недостаточно. Большинство работ имеют общий характер, и только в некоторых из них можно проследить связь между богословами двух регионов.

В рамках исследования была раскрыта преемственность между Фаизханом ал-Кабули, Ниязкулом ат-Туркмени, Убайдуллою ибн Нийазкули, Абд ал-Кадиром ал-Фаруки ал-Хинди (Сахибзадэ), Мазхаром (Музхиром) ибн Ахмада ал-Хинди (ум. в 1883 г.) и их учениками из Волго-Уральского региона, что дало возможность распространению накшбандия-халидия в Волго-Уральском регионе. Помимо этого есть необходимость в глубоком изучении биографий этих личностей, особенностей учения и практики, существование цепочки преемственности между ними и современными религиозными, духовными деятелями обоих регионов.

Источники и литература:

1. Марас И., Турк Дунысинда Дини Енилесме (1850-1917). – Истамбул: Отукен, 2002.
2. Абашин С.Н. Суфизм в Средней Азии: точка зрения этнографа // "Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования). Сборник статей памяти Фритца Майера (1912-1998)" // Вестник Эвразии. – 2001. - № 4. – С. 117 – 141.
3. Абдурасулов У. "Дело о Ходжа Ахраре вернут на доследование": накшбандийский шайх в публикациях и личной корреспонденции советских востоковедов // Исламологй. – 2017. – Т. 7, № 2. – С. 101 – 118.
4. Адыгамов Р.К. Роль Габдрахима Утыз-Имяни в изучении социокультурных и религиозных традиций татарского общества конца XVIII - первой трети XIX вв. / Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – Казан, 2006.
5. Аширов А.А., Пасилов Б.А. Зикр джахр в ритуальной практике суфийских групп Средней Азии его этнографические особенности // Этнографическое обозрение. – 2010. - № 5. – С. 37 – 43.
6. Баруди Г. Мэржани хакында ижмалы мэгълумат // «Мэржани» жыентыгы (Сб. Марджани). – Казан: «Иман», 2001 (транслитерация издания 1915). – Т. 1.
7. Гордон-Полонская Л. История Пакистана. – М., 1963.
8. Дорофеева Т.Г. Исламский мистицизм и это среднеазиатская практика // Россия и мировое сообщество: актуальные проблемы современности. – 2017. – С. 39 – 50.
9. Идиятуллина Г.Г. Абу Наср Курсави и среднеазиатские истоки татарской общественной мысли конца XVIII - начала XIX веков (по материалам тракта "ал-Иршад ли-л-ибад") / Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – Казан, 2001.
10. Ислам (энциклопедический словарь) – М., 1991.

11. Исмаилов Л.Э. Мавераннахрский суфизм и священные захоронения (XVI в.) // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2019. - № 4 (61). – С. 24 – 28.
12. Марджани Ш. Мукаддима вафийат ал-аслаф. – Казан, 1883.
13. Пылев А.И. Шейх Юсуф ал-Хамадани (1048/1049-1140) и его рол в развитии суфизма и суфийской литературы в Средней Азии // Творческое наследие Алишера Навои и современность. Сборник докладов Международной научно-практической конференции. 2018. - Издательство: ООО "4 Принт" – С. 122 – 126.
14. Рахимов К. Тарикат хваджаган-накшбандийа и сем пиров // Пер. с узбек. яз. И.Р. Гибадуллина. – Казан: ИД «МеДДоК», 2020. – 180 с.
15. Сабиров Н.Р. Роль суфийских традиций в развитии татарской общественной мысли XVII-XVIII вв.: основные направления и проблематика // Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – Казан, 2013.
16. Салихова З.А. Возникновение теории воспитания и обучения Бахауддина Накшбанди // Россия- Узбекистан. Международные образовательные и социально-культурные технологии: векторы развития // Сборник материалов международной научной конференции. – 2019. – С. 87 – 88.
17. Саттар хан А., Анвар З. Отважный защитник веры шейх Сирхинди // Ислам. – 2004. – № 1.
18. Сызранов А.В. Суфизм и суфии в Нижнем Поволжье // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2008. - № 3. – С. 27 – 38.
19. Фахретдин Р. Болгар вэ Казан тореклэре. – Казан, 1993.
20. Шагавиев Д.А. Шигабутдин Марджани как суфий // Минбар. Исламские исследования. – 2008. – С. 35 – 46.
21. Шараф Ш. Мэржинен тэржемэи хэле // [сборник] Марджани. – Казан: Магариф, 1915.
22. Шихабетдин Мэржани. – Казан: Рухият, 1998.
23. Шиммел А. Мир исламского мистицизма / – М.: Энигма, 1999.

